

Кир БУЛЫЧЕВ

ПОХОД НА СТАДИОН

— Горенштейн, Петрушевская, Рязанов... Но явления под названием «свободная фантастика» не возникло.

А ЧТО ВОЗНИКЛО? В кино все ясно — произошло то, что происходило в любой слаборазвитой стране, — американское кино, в первую очередь массовое, примитивное, профессионально и энергично сделанное, сродни поп-музыке, четко настроенное на музыкальный, нервный, физиологический ритм нынешнего подростка, в мгновение ока вышвырнуло с экранов наши отечественные потуги откликнуться неспеша на события в нашем обществе. Экологические ниши, оставшиеся для родных режиссеров, оказались довольно мрачными: чернуха с порнухой. Так что в кино процесс пожирания нас был скоротечен, но это не означает, что наше отступление бесконечно.

Характерный пример для меня — заказ, с которым обратились англичане к нашему «Мультфильму» на создание серии фильмов по пьесам Шекспира. Заказ был выполнен и англичан удовлетворил. Казалось бы — странно: наши телевизионные программы буквально набиты американскими и сжатыми мультфильмами. Дети сидят — не оторвешь, взрослый включил — не оторвешь.

Но в мире профессионалов знают, что все равно уровень наших мастеров (не потока, а индивидуальностей) выше, чем в любой иной стране.

За последние месяцы мне пришлось увидеть несколько наших новых фильмов (случайно — в прокате-то их не увидишь), и убежден, что они куда индивидуальнее американской продукции. Они пока не могут с ней соперничать. Но они могут выконтить себе солидное место не только на экранах нашей страны, но и всего мира. Потому что есть аудитория для ансамбля «Рики-тики» и для Бостонского симфонического оркестра. Они разные.

А у нас получилось так, что из-за слишком долгого нахождения маятника в крайне правой точке дуги он так резко перелетел налево, что середину миновал, не задерживаясь. Только относиться ко всему этому следует без истерики, в поступи истории не усматривать интриг злодеев и инородцев.

РАЗОЧАРОВАНИЕ, постигшее меня, когда обнаружилось, что в Свободной России не возникло десяти Стругацких и дюжины Азиевых, имеет объяснение, схожее с тем феноменом, что случился в кино.

Что кушал (интеллектуально) мой младший современник в области фантастики? Оскопленного Беляева, ископаемого Жюль Верна, верноподданного Казанцева, глубокомысленного Ефремова, некий приложимый к ним набор безликих молодоговардейцев и, если уж повезет достать, книжку Стругацких, которые требовали от читателя не столько соучастия в приключении, как размышления. В целом набор продуктов вовсе не давал желаемого наслаждения и соответствовал набору продуктов в любой области нашей жизни, включая продовольственные магазины — ты можешь прийти и купить один сорт дурной «Любительской» колбасы, один сорт сыра с громким названием «Российский» и постоять в очереди за настоящим мясом второго сорта.

Ты имел все, что нужно рабу, и еще пол-литра, а рабовладелец имел к тому же списки, по которым раз в месяц выписывал себе роман Пикуля или Голсуорси. Начальство полагало, что это и есть почти идеал, а полный идеал наступит, когда Пикуля хватит на всех, к чему надо стремиться, но не поспешая, чтобы народ не распускался и чтобы не исчезла разница между владельцем коммунистической фазенды и рядовыми неграми.

Что произойдет на самом деле, когда рухнет коммунистическая империя, не подозревал никто, даже самые умные, даже в самой узкой сфере, где, казалось бы, были доками. Свобода представлялась увеличением наличности с прибавлением запряженного. То есть одним — много Пикуля, другим — достаточно Стругацких.

А вот что случилось: как только оказалось, что можно (и выгодно печатать переводные книги, рынок начал стремительно насыщаться Анжеликой в различных постелях, «Унесенные ветром» обогнала по тиражам сочинения Ленина и Пушкина, а в фантастике возникли совершенно иные, нежели можно было предполагать, имена: Гарри Гаррисон и Эдгар Берроуз (как в детективах: Чейни, Чейз и Спиллейн) — то есть пища прежних лет была отвергнута публикой.

Публика захотела простого, как мычание. Оказались не нужны нам намеки и аналогии, размышления и трезвый взгляд в будущее. Читатель потребовал сказку, воплощенную в железном кулаке Терминатора. Умение вышибить пятую зубу у косяглазого врага в стиле борьбы «у-ку-шу» вызывало восторг у будущих рэкетиров, наемников, борцов за свободу чужих народов и так далее.

Только не думайте, что я хочу обидеть великую армию отечественных читателей. Определялась эта волна более поставщиками, чем потребителем. Наиболее истосковавшийся по чтиву, которое соответствовало бы рок-концерту и «Ниндзя-душителью», потребитель получил Чейза и Берроуза.

Читатель, отрезанный ранее от «крутого» чтения, от эротической мелодрамы — и потому любознательный к запретным яблокам, также не без удовольствия сменил Пикуля на Анжелику, Юлиана Семенова на Жапризо и Рекса Стаута, не чураясь Яна Флеминга и уж, конечно, того же Гаррисона.

Качание маятника показало ревнителям старины страшной угрозой существованию России — послышались консервативные голоса, требовавшие запрета всего — от аэробики до конкурсов красоты, от сомнительных календарей до слова «эротика». Еще недавно мы громко жалели Америку, которая погибает и никак не погибнет (помните?) от разгула насилия, порнографии и линчевания негров. Теперь мы охладели к неграм, а по разгулу насилья, оказывается, давно обогнали весь мир, только раньше делали вид, что насилья у нас нет, а дети рождаются в капусте.

ЭТИ ОБЪЯСНЕНИЯ моему походу на Олимпийский стадион понадобились мне для того, чтобы написать умеренно оп-

тимистический опус о том, что маятником свойственно качаться, пока они не придут в состояние равновесия.

Присматриваясь к положению дел на книжных лотках в городе Москве, а также в Питере, где я был недавно, я подумал, а не достиг ли маятник крайнего положения? Не накушались ли мы принцессами Марса? Основания для таких надежд давали мне и объявления в последних номерах «Книжного обозрения». Все меньше обещают нам Чейза и Берроуза. Зато объявляется подписка на 200 томов лучших книг мировой литературы.

Я видел на днях, как энергично очередь раскупала на улице томик Пушкина, а вчера позвонил мне один господин и спросил, не пожелаю ли я участвовать в составлении библиотеки «Лучшие произведения XX века» в сорока томах и собрать для него лучшие фантастические повести. Это же интересно!

И вот, когда я побродил среди стопок, пачек, груд книг в полутемных подвалах Олимпийского, мой оптимизм еще более укрепился.

И по крайней мере двумя выводами из моего похода на стадион я могу поделиться. Во-первых, резко расширился не только количественный, но и качественный состав переводимых американских и английских писателей. Размежевание произошло по нескольким линиям. В частности, возвратились на рынок и торжествуют на нем классики, известные некоторыми своими произведениями, которые ранее считались идеологически невыдержанными.

Различные тома азимовского «фонда» в самых различных, порой сомнительных переводах, соседствуют с последними опусами Кларка. Да что там — началось издание сразу двух собраний сочинений Саймака — в пяти и пятнадцати томах! Как славно — к американской фантастике возвратилось думящее крыло читателей и старшее их поколение, которых примитивность Берроуза и Нортон уже не удовлетворяет.

Но второй и не менее важный феномен заключается в том, что на рынке появились в значительном числе американские и английские писатели неизвестные ранее. По разным причинам. И большей частью серьезные. Честное слово мне радостно брать в руки сборник романов Филипа Дика, книги Урсулы ле Гуин, Силверберга, Фармера, Энтони, Колина Уилсона, сложного К.Льюиса, недавно скончавшегося Фрица Лейбера — ну как будто попал в американский магазин!

Разумеется, возникает проблема авторских прав, которые далеко не всегда и всеми соблюдаются. Но мне представляется, что это не трагедия, а одна из особенностей нашей сумасшедшей российской жизни — попытки перехода в цивилизованное состояние. Получится попытка — и платить будем.

А пока идет насыщение информацией. Мы узнаем, что Брэдбери совсем не так однозначен, как нам давали его кушать, что Хейнлайн — не только романтик для подростков, а и мыслитель, что фэнтези — это не жанр, а целое направление в литературе, где вслед за великим Толкином идут теперь уже известные нам Муркок и Мак-

кафри и сотни иных писателей.

И когда все утрясется, и маятник прекратит метаться, в нашем коллективном сознании уже утвердится определенная табель о рангах, близкая к действительности, а не искусственно созданная цензорами и редакторами. Так что прошу наших коллег в США не обижаться. По-моему, важнее, что вас читают. А платят, у нас сейчас писателям так мало, что при переводе на ваши, «имперналистические», деньги вам как раз хватит долларов, чтобы прислать переводчику новую книжку.

К тому же вы, коллеги, способствуете своим присутствием повышению нашего профессионального уровня. Я не шучу. Ведь должно же прийти к господству в нашей фантастике поколение рубежа XXI века. А то будем как прежде вариться в своей каше и качаться на маятнике — направо-налево!

ВПОЛНЕ СВЕЖИЙ и огорчивший меня пример такого качания я и хочу привести в заключение.

В свое время несколько лет назад в Союз писателей РСФСР пришло письмо от Иркутской писательской организации, подписанное секретарем ее Борисом Лапиным с требованием изгнать меня из Союза (в котором я никогда не состоял, потому что, в частности, не разделял идей Союза) ввиду того, что «Кир Булычев — человек неизвестной национальности, окруживший себя людьми одной, всем известной национальности».

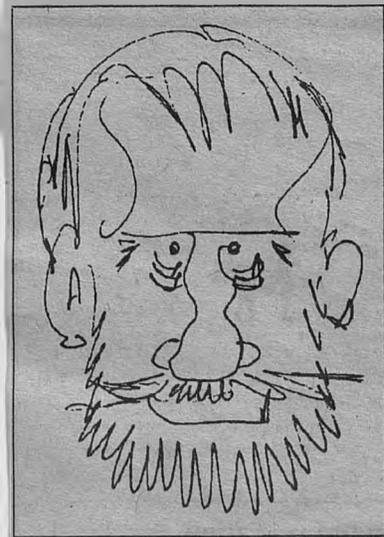
Я цитирую точно, это письмо видели десятки человек. Я помню, как развеселило это письмо Аркадия Стругацкого, который сказал: «Утешься, ты же Булычев по матери».

Тогда маятник находился в самом правом положении, прогрессивная общественность помалкивала и мужественно прогуливала основополагающие и осуждающие собрания в родном Союзе писателей, а правая писала доносы в классово близкие органы: «Мы знаем, на что намекает Булычев, когда пишет, что над Красной площадью плыли тяжелые темные тучи». Я намекал, честно говоря, на дождь, а редактор Фалеев из «Молодой гвардии» на что-то другое.

Но тут грянула перестройка, и маятник резко пошел влево. То же издательство, та же редакция тут же выпустила сборник критических статей, в одной из которых находилось обращение ко мне: так как я — дитя застоя и его певец, то я должен отказать от докторской степени, если во мне сохранились жалкие остатки совести.

Но ведь правый и левый радикализм — родные братья и по мере качания маятника их уже не отличишь друг от друга. Не успел я привыкнуть к тому, что воспевал застой, когда молодоговардейцы нищенствовали, разоблачая брежневскую мафию, как тут же получил маятником с другой стороны — на днях Арбитман из Саратова объявил в «Независимой газете», что я — вот именно! — певец застоя и состою в друзьях правых сил и даже отдаю свои жалкие рассказы «на грани фолы» в эти самые рупоры реакции. Вся концепция разоблачения покоится на рассказе, который был опубликован в библиотечке «Огонька», а через несколько лет без моего ведома перепечатан «недостойным» журналом, которому моя дружба с «Огоньком» не казалась преступлением.

...Возвращался я со стадиона, обремененный хорошими американскими книгами, и очень надеялся, что вместо того, чтобы выхватывать друг у друга микрофоны, мы будем работать, благо, есть с кем соревноваться.

Я РЕШИЛ отыскать истину на Олимпийском стадионе.

Для этого в одно из последних воскресений ушедшего года, утром, я вышел из станции метро «Проспект Мира» и, влившись в ручеек людей с пустыми рюкзаками, тележками и сумками, двинулся подземным переходом мимо киосков с кроссовками и пивом к громаде крытого Олимпийского стадиона, под трибунами которого по субботам и воскресеньям проходит самый большой и представительный в Москве базар и где, в частности, приобретают книги лотошники, оттого-то и привозят туда книги зачастую машинами, а уносят в мешках. Да и стоят книги процентов на тридцать, а то и более дешевле, чем у станции метро или на вокзале.

Именно там, как мне показалось, лучше всего приглядеться к тенденциям в нашем книгоиздательстве, в частности к тенденциям в издании переводной фантастической литературы.

Такое стремление возникло у меня оттого, что, проводя разборку старых бумаг, чтобы выкинуть их и освободить место для бумаг новых, я натолкнулся на текст какой-то забытой статьи, где ее автор (то есть я сам) стонал по поводу невозможности для нашего читателя познакомиться с истинным состоянием дел на американском книжном рынке, выражал надежду на то, что когда цензурные рогаки исчезнут и мы все — фантасты всего мира, объединяйтесь! — стройными рядами создадим массу шедевров, и будем при том дружить домами.

Для чего же я (и мои коллеги) был наивен! Вот уберете преграды — и все тогда станет замечательно! И в литературе, и в кино.

Мне (нам) казалось, что в будущей, свободной России читатели осияют десятки значительных, умных, талантливых романов Филипа Дика, Урсулы ле Гуин, Силверберга, Стрджена, Болларда, а наши собственные Платоны, скинув бремя идеологических оков, разразятся томами, которые оставят далеко позади не только Стивена Кинга, но и Курта Воннегута со товарищи.

Свобода наступила и оказалась совсем иной.

Первой рухнула кинематография. В новых условиях фантастика оказалась продюсерам не по карману. Если не ошибаюсь, то в последний раз мы увидели космический корабль и чужую планету глазами Юрия Мороза в «Подземелье ведьм».

Но ведь космический корабль или антиутопичный город стоят не дороже, чем мир победившего социализма, если оба напечатаны на той же машинке. Но никакой буйной поросли не возникло, и в литературе никаких крупных талантов не появилось на свет. Я могу назвать лишь одного писателя высокого класса — Пелевина. Правда, некоторые хорошие реалисты обратились к фантастическому осмыслению мира и в том преуспели